

Зоя Ненлюмкина

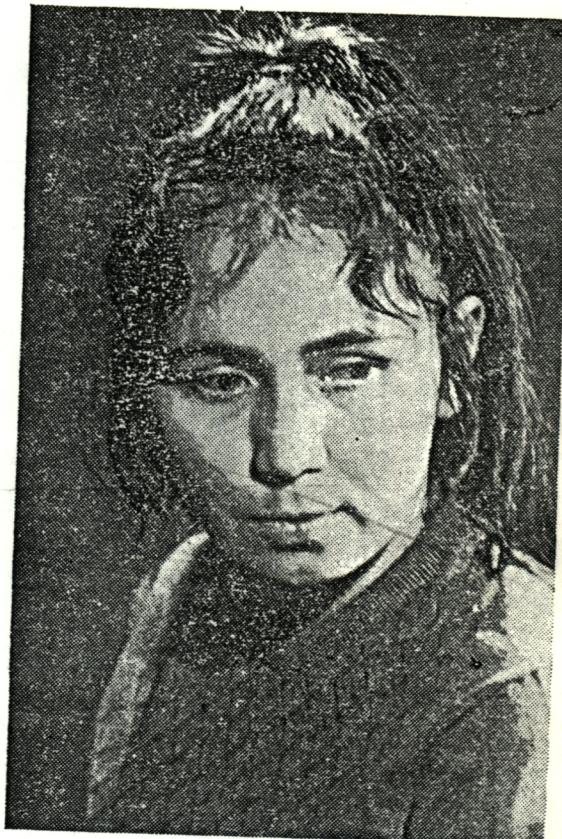
ПТИЦЫ НАУКАНА

Первая книга
стихов

Магадан 1979

Перевод
с эскимосского
(науканский
диалект)

Александра
ЧЕРЕВЧЕНКО

Первая книга
стихов

Book or shelf above

Магаданское
книжное
издательство
1979

Зоя Ненлюмкина

Птицы Наукана

I. СПОЛОХИ. КИУГЬИТ

Ненлюмкина З. Н.

449 Птицы Наукана: Первая книга стихов /Пер. с эскимос. (наукан. диалект) А. Черевченко; Худож. В. И. Кошелев.— Магадан: Кн. изд-во, 1979.— 63 с., ил.

Текст на рус. и эскимос. яз.

20 к.

Первая книга молодой эскимосской поэтессы посвящена счастливой судьбе маленького мужественного северного народа, расцвету его духовной жизни, культуры. В книге читатель найдет раздумья об окружающем мире, о любви.

Н 743-017 16-79
М-149 (03) 79

ББК 84 Эск
С(Сиб)

© Магаданское книжное издательство, 1979

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

R only

Под ветром мгла
качнулась и распалась,
и мы стоим у кромки ледяной.
— Что там, вдали, у горизонта?
— Парус,
байдары возвращаются домой!
Спешат домой
охотники с добычей.
Все ближе скал
знакомый неуют,
и, соблюдая вековой обычай,
наперебой
скороговорке птичьеи
звукит саяк*
и женщины поют.

Судьба мужчины —
мужество погони,
азарт добычи и,
в конце концов,
возможность ясно,
словно на ладони,
увидеть землю дедов и отцов.
— Какая же она?
— Всмотрись получше
в родное небо:
в вечном полусне
клубятся в небе снежные тучи,

* Саяк (эским.) — бубен.

снижается на землю
снег колючий,
под торбасами
серебрится снег!
И, оглашая снежность
лаем звонким,
сливается
упряжка
с горизонтом!..
Неотделима женская судьба
от буден и от праздников народа.
У нас не скажут:
«Женщина слаба»,—
в селенье всем нужна ее забота.
Она успеет накормить собак,
заправить жирник
и разделать нерпу.
А как поет
в ее руках саяк,
когда в цветных камлейках
киуг'як*
закружится
по северному небу!...
Суров мой край. Его характер крут.
Но он не чужд
улыбкам и веселью.
И счастлив тот,
чей повседневный труд,
преображая,
согревает землю.

* Киуг'як (эским., чаплинский диалект) — сполохи, северное сияние.

① КИУГ'ЫТ

Сиг'ингым ансамбылын'анун «Киуг'ыят»

Нуна кумлата, ыпх'ита,
нынлъын'ух'тылък'апихта!

Гуаникуми ангилг'ит,
к'улмун кылылын'ак'ут.

Аг'наг'ак' аг'улег'ак'ук',
амта к'улмун кылылын'ак'ук'!

— Киуг'ыйт! Киуг'ыйт! Аг'улак'ут!
— Аг'нат, гутысхыхыкхат к'ах'ак'ут!

Нынлъысук... Силья ныпн'ин'г'алг'е!
Умьюгак' илумни углалг'е!

'Сими кек', укьюг'ак алигнамат,
алег'ак'н'ата к'илагми киуг'ыйт?

Сими кек', алин'ылътын', к'имамат
мантыг'аг'мыхтынун ют?

Таугатын к'улиг'амсугак'ут к'ун ынпыйт
хук':

'Киуг'ыйт хук' макут аг'наугак'ут!

Алигнак'ут, аглыг'нак'ут!

Микиск'ини, анлинх'аг'ни,

анланитыкнетак'ут.

Укьюг'ак ылъык' тарумалг'е,
аглык'льку ынлык' налг'е.

Укьюг'ак ылъык' наклъыгнамалг'е,

к'уйвакыхынан к'уяналг'е

'Киуг'ыйт хук', сиг'лынк'утн'ок'ут,

алигнак'ут, аглыг'нак'ут...

Аг'улак'н'амын' к'ах'ак'ут,

аг'нат! Гутысхыхыкхат!

6

① СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Посвящается ансамблю «Киуг'ыят»

В тишине студеной гулко
снег скрипит под торбасами.
Все селенье на прогулку
ясным вечером выходит.
Даже девочке не спится —
что там в небе полыхает?
Это женщины-зарницы
пляшут
в праздничных камлейках!..
Нынче кажется мне бредом,
страшным сном и небылицей,
что когда-то под запретом
был чудесный этот праздник.
Радости скучные крохи
мой народ ценить умеет,
но считалось, что сполохи —
это вестники несчастий.
И едва прекрасный танец
возникал в вечернем небе,
завывали псы, пытаясь
разорвать тугую упряжь;
бормоча свои угрозы,
был шаман в священный бубен,
и в испуге эскимосы
разбегались по ярангам.
Так невежество сгущалось,
обволакивало души —
даже в мыслях запрещалось
восхищаться красотою!

Ынлык'нак'ут,

...алигнак'ут... —

гуасак'!

Матыми алъа ылъык' лъих'тук:
нутаг'инг'ак, пиних'к'ак'.

Матыми юк к'уйвайяух'тук',
сұна сиг'лык' ыхлъуку!

Киуг'ыйт! Киуг'ыйт! Аг'улак'ут!

Аг'нат, гутысхыхыкхат!

— К'ах'ак'ут!

Ынлык'н'як'ут —

аглыг'нетак'ут!

Киуг'ыйт! Киуг'ыйт! Аг'улак'ут!

Аг'нат, гутысхыхыкхат, к'ах'ак'ут!

Сун'анын, к'ипанын', ипа натылын'уг'нын'!

Ынлык'наг'луки энмет, мин'к'умак'ет!

Киуг'ыйт! Киуг'ыйт! Аг'улак'ут!

Аг'нат гутысхыхыкхат!

— К'ах'ак'ут!

Углат к'уяналг'ит!

Голод, мор, падеж оленей,
эпидемий черный ужас
в песнях прежних поколений
связан с северным сиянием.
Но в ребяческом порыве,
разуверившись в преданьях,
я осмелилась впервые
вековой запрет нарушить.
Я увидела сполохи,
я от счастья онемела
и застыла на пороге
старой дедовской яранги.
Я увидела, как мчатся
в небе огненные волны,
и заплакала от счастья
на пороге новой жизни...
Мне сегодня вновь не спится —
что там в небе полыхает?
Это женщины-зарницы
пляшут
в праздничных камлейках.
А на площади танцоры
повторяют эти пляски,
и чудесные узоры
повторяют их камлейки!

Нувук'ак' упынг'ами.
 К'умак'атаг'юхая...
 ... тетук нак'ам;
 сама — масак'
 Эгун туweg'юхая,
 сувилн'уг'мын' гутысхалё,
 юк'ах'симаун'a:
 ...Кытн'ани, имани,
 тетум акулн'ани—
 к'алг'ик'!
 — А-а-лик! А-а-лик'! —
 тыгмепит!
 — К'еун' — к'еун'! —
 к'аг'ытх'ех'ат!
 Сакаюхлъык'алан'!
 К'уйванах'алан'!

Сикмъик'аг'лё, ык'ытак'ак'a,
 илuinамкун
 Нувук'ак'!

Тагак'ут игургит,
 асиг'ак'анка:
 — Игурге-гур-ге-е-e,
 Гуаяни! — Питук'!
 Айгуек'ын! Тайгуек'ын!
 Улукшамын' кыхмелык'
 Аях'а-а-а! Ян'и-хи-и-и!

10

(2) ПТИЦЫ НАУКАНА

Весенний Наукан!..
 На льдине млеет нерпа,
 и солнце сквозь туман
 уже слепит глаза,
 и полнятся теплом
 твои земля и небо —
 улыбка и слеза,
 улыбка и слеза.
 И снова слышу я
 за полосой тумана
 смятенье сотен крыл
 в рассветной тишине.
 То в памяти моей
 все птицы Наукана
 слетаются ко мне,
 слетаются ко мне!..
 Как оперенье птиц,
 легка моя камлайка.
 Мне весело бежать
 по тундре налегке.
 И ветер шепчет мне:
 — А ты понять сумей-ка,
 о чем поет весна
 на птичьем языке!
 — Как океан велик!..
 Нам нынче не до шуток...
 А-а-лик, а-а-лик, а-а-лик! —
 кричит мне стая уток.
 И чаек караван — тревожно:
 — К'еун, к'еун!

Гу-у-уй!
 Игургит китуг'ак'ут,
 наг'уят касуг'ак'ут,
 асиг'ак'анка:
 — Наг'уявита-а, анавита-а!
 Ик'альх'авита!

Тунух'авита!
 Наг'уян! —
 — К'еун', к'еун', к'еун'!
 ...Кытн'ани, имани,
 тетум акулн'ани —
 к'алг'ик'!
 Нувук'ак' упынг'ами...
 Сакаюхлъык'алан'!
 К'уйванах'алан'!

Сикмъик'аг'лё, ык'ытак'ак'a,
 илuinамкун
 Нувук'ак'!

Мы мчимся в Наукан,
 но где он, где он, где он?..
 Просторами морей,
 прибрежных скал величьем
 он в памяти моей
 и в постоянстве птичьем...
 Летят бакланы. Вновь
 из ничего возникла
 забытая давно
 песенка-дразнилка:
 «Баклан, баклан-бакланище,
 какой же ты болванище,—
 нырял за окуньками,
 а держишь в клюве камень!
 Плохи дела твои!
 Аях'а-а-а! Ян-и-хи-и! Гу-у-й!..»
 Бакланы понеслись,
 и снова выются чайки —
 по нраву им пришлись
 слова моей встречалки:
 «Ах, чаюшка, ах, матушка!
 Рыбешки ты наелась, на камешек уселась,
 наелась сладкой корюшки
 и чистишь клювом перышки,
 верная подружка,
 чаюшка-толстушка!..»
 И снова слышу я
 над рябью океана
 смятенье сотен крыл
 в родимой стороне
 и рассказать спешу,
 как птицы Наукана
 вернули детство мне,
 вернули счастье мне...

СИВУЛИК'Ы ЫСКУХ'ТЫ

(3)

Емротмуң

К'анихпит, к'анихпит ихтак'ут,
семак'ут кайываг'умаг'мын'...
К'ых'сульг'е сайыг'елитак'a
таным матын нутан атак'a.

Тумыка ыскуг'вигмун нанитаг'ак'ук',
ан'атуг'ин'ак'o натын.
Тумыка ыскуг'вигмун нунаниг'ак'ук',
К'уюн'ак'o натын.

Таным гуи ылъын'ан пайыг'ак'ан'a,
ыскулъх'аг'умајаг'мин'a,
лъик'a таным нутан матын
ыскуг'вигмун итыльг'ен'a.

К'анихпит к'анихпит ихтак'ут,
семак'ут кайываг'умаг'мын'...
К'аних тын ылъыпк итакак'анка,
к'онпын' ынк'аклъык'анка.

Сивулилътын ылъыпк илитывкаматын
альн'аныг'мын':

Нуна... Ана...
Сивулих'тын Ыскух'тымкын!

Лъик'a ылъыпк таным матын,
углак' гиуги аглукульу,
апых'тусах'пин'a стихиг'мын',
нунака, пиник'ыйк'ылуку.

14

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

(3)

Емрону

Бесконечный снежинок полет...
Милый снег, ты надежный посредник!
Все впервые на свете, и вот
надеваю я белый передник.
А дорога моя коротка,
я ведь в школу шагаю торопко,
а дорога моя коротка,
потому что и счастье коротко!
И в начале счастливого дня,
у истоков огромной дороги
вновь с улыбкой встречает меня
мой учитель на школьном пороге.
Бесконечный снежинок полет...
Милый снег, не снижайся, не падай!
Все впервые на свете, и вот
в первый раз я за школьную партой.
И мой первый учитель опять,
забывая, что все это пройдено,
на доске начинает писать
изначальное: «мама» и «Родина».
Я слова эти следом шепчу,
их опять по слогам повторяю,
у него поучиться хочу
я любви к материинскому краю.
Хлопья снега кружат и кружат...
Милый снег — старый друг,
утешитель,
первоклассники в школу спешат —
их встречает мой первый учитель...

К'анихпит, к'анихпит ихтак'ут,
семак'ут кайываг'умаг'мын'...
Ыск'апак'анка ыскуг'яльг'ит,
ысх'альг'уг'ак'амкын ылъыпк —
— Сивулих'тын Ыскух'тылъх'амкын!

КАК Я ОБЕРЕГАЛА МОРЕ *2 only* В БЕЛУЮ НОЧЬ

Мальчишкам — моим сверстникам и землякам

Белой ночью, словно птица,
солнце на море садится,
а водица — холодна!
Тихо в мире, даже слишком,
и поэтому мальчишкам
белой ночью не до сна.

В брызги зеркало морское —
дело истинно мужское:
просыпайся, океан!
Кто же дальше?

Наказанье —
снова в этом состязанье
побеждает атаман!
Море морщится от пытки,
только камешков в избытке
приволок сюда прилив.
И летят они, как в сказке,
от Нуния до Аляски —
через Берингов пролив!..

Я хочу сказать:

— Ребята,
в чем же море виновато?
Больно вам, когда вас бьют?
Но стояла я в сторонке —
что им голос мой негромкий,
не поймут и засмеют.

атаман меня послушал
и сказал бы:

— Пацанва,
не машите вы руками,
не швыряйте в море камни —
эта девочка права!
Белой ночью, словно парус,
солнце в море искупалось,
а девчонка испугалась,
что обидится волна.
Хватит нам махать руками,
что нам делать, знаем сами,
станем лучше моряками —
пусть завидует она!..

Смотрят в море, как впервые,
мотористы, рулевые,
с ними — храбрый капитан.
Плыть им завтра без опаски
от Чукотки до Аляски
и по всем морям, как в сказке, —
через Тихий океан!

Кина к'аныг'ак'a?
Кина ытак'a?
— Юк к'аныг'ак'ук',
юк атуг'ак'ук',
юк саюг'ак'ук',
юк ытак'ук'.

Таугатын хук' атусимат кегнами:
аг'нак', авысн'ах'ак', юк.
Тауга.

(4) Сиг'лыг'ок'ук' илука,
таруг'ак'ук' агра,
к'уман'г'ак'ук' к'анык'a,
лъиг'апиугак'укут...

— Кина атуг'ак'a?
Кина саюг'ак'a?
Кина к'аныг'ак'a?
Кина ытак'a?
— Аг'нак' к'аныг'ак'ук',
аг'нак' атуг'ак'ук',
аг'нак' саюг'ак'ук',
аг'нак' ытак'ук'.

Сиг'лыг'ок'ук' илука,
сетак'ук' ыга,
сетак'ук' к'анык'a,
нуниветак'ук'...
— Кина атуг'ак'a?
Кина саюг'ак'a?
Кина к'аныг'ак'a?
Кина ытак'a?

— Авысн'ах'ак' к'аныг'ак'ук',
авысн'ах'ак' атуг'ак'ук',
авысн'ах'ак' саюг'ак'ук',
авысн'ах'ак' ытак'ук'.

Сиг'лыг'ок'ук' илука,
тыгмег'итак'ук' к'илак,
к'уман'г'ак'ук' к'анык'a,
тыг'итак'ук' имак'.
— Кина атуг'ак'a?
Кина саюг'ак'a?

19

СТАРАЯ СКАЗКА

Нет ничего в душе.
В яранге тоже не густо.
Голодно, и уже
в жизни совсем пусто.
Кто же это
не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает?

Женщина и не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает!

Нет ничего в душе.
Мясная яма — чиста.
Голодно, и уже
тундра совсем пуста.
Кто же это
не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает?

Мышка и не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает!

нет ничего в душе
и в небесном просторе.
Голодно, и уже
нет ничего в море.

Кто же это
не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает?

Мужчина и не ест и не пьет,
однако на бубне играет,
но все-таки пляшет,
но все же поет —
живет и не умирает!

Говорят, так когда-то
во время большого голода пели
женщина, мышка и мужчина.

Тауга. Всё.

К'айгуа икаюг'несин?
К'айгуа аленийисин?
Аварух'накыйиун' илё,
ынлаг'нах'к'ынакыйиун' силъя,
айпак'накыйиун' акуна,
апынъакыйиун', гуата:
— Таугалъу?

(5)
ТАУГАЛЪУ?
Кийыма ысималё,
нунакипихсималуку илука,
нунакипихсималуку силъя,
кинкут, к'ахкут, ынк'ак'анка,
илуит анлин сиг'лыг'ях к'ат,
амта анлин алениях к'ат.

Пулаг'югак'о.
Айпан'югак'о.
Гуатпилаки таугенак' тук':
— К'айгуа пиниг'ак'ысиси?
К'айгуа г'уситаси?
К'айгуа икаюг'нетак'ысиси?
К'айгуа аленийисиси?

Акуна пинин'г'ах'пыси,
акуна макнъын'г'ах'пыси,
акуна улган'г'ах'пыси,
кина силъалъугми, алениук'ан,
пулаг'нак'ыйиун'.
Гуарат апынъакыйиун':
— К'айгуа пиниг'ак'ын?
К'айгуа г'уситатын?
К'айгуа икаюг'нетак'ын?
К'айгуа аленийисин?

Эгун ке силъалъугми итык'аси,
умиохпынаси.
Гуайманакиси:
— К'айгуа пиниг'ак'ын?
К'айгуа г'унъыг'итатын?

23

(5)
ТАУГАЛЪУ?*

Одиночество
так начинается:
пурги метут без конца,
белая стужа врывается
в улицы и сердца.
В ночь одиночества
я не умею молчать —
хотется, хочется
в ваши дома и сердца
постучать:
чем вам помочь
у бёды на краю —
таугалъу?
Вам хорошо? Вам тепло?
Не скучаете? Сытно едите?
Через двойное стекло
изумленно глядите?
Знать вам не хочется,
что дуновением стужи
ночь одиночества
чью-то коверкает души?
Встаньте, спасите
того, кто живет по соседству!
Просто спросите
его одинокое сердце:
что же настигло
печальную душу твою —
таугалъу?

* Таугалъу? (эским.) — что случилось?

Я к вам пришла,
потому что и мне одиноко.
Долгой была
по глубокому снегу дорога.
Вас потревожила я,
замечаю,—
простите,
не прогоняйте,
налейте мне чаю,
спросите,
о чем я пою,—
таугаль?

Romy

Лопата выпадет из рук,
подступит холод неземной...
Не может быть,
что это вдруг
со мной произойдет,
со мной!
Впервые труд не завершу,
и глянет в страхе на меня,
как я лежу и не дышу,
осиротевшая родня...

Вчера вот умер человек —
его на свете нет.
Еще хранит рассветный снег
его горячий след.
Но среди тысячи других
не отыскать следа
того,
кто среди нас, живых,
не будет никогда.

О, если б только я смсгла,
я, позабыв покой,
его следы бы сберегла
для памяти людской.
Я бы твердила каждый день
всем землякам моим:
— Нет человека,
даже тень
исчезла вместе с ним.

27

Но жил ведь этот человек
немало честных лет.
Еще хранит рассветный снег
его горячий след.
Взываю к вашей доброте,
прошу лишь только одного —
чтобы в привычной суете
не затоптали вы его!

Romy

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

„Последняя песня?
Последняя в жизни мелодия?
Но что это значит?
Такой не слыхала в природе я!
Последняя — значит,
затихнет, прервется, устанет,
слова потеряет
и вовсе звучать перестанет!
Взгляни же вокруг и прислушайся:
в раннюю пору
душа твоя вторит сама стоголосому хору,
и зренье твое,
что в немом пребывало молчанье,
разбужено им и свое обретает звучанье.
И в сердце твоем
и повсюду — всецело с тобою
соната ручья,
колыбельная песня прибоя,
прелюдия ливня и зимнего ветра хоралы...
Последняя песня?
Простите, такой не слыхала!
Снежинка звенит,
и тотчас пробуждается тундра,
и радостным лаем
собачки приветствуют утро.
И все это — просто
мелодии новой рожденье,
ступень ее роста,
живое ее продолженье...
Так есть ли у жизни последняя песня?

Rough

Старинные слова мелодии старинной
нетрудно заменить в угоду суете.
Дешевле восковой свечи из стеарина,
но аромат не тот, да и лучи не те.
Пусть можно вместо слов

поставить даже числа —
особого греха и в этом нет уже! —
неотторжим напев от истинного смысла,
когда хоть кто-нибудь хранит его в душе.
Переполня грусть, стремится в поднебесье,
как первая любовь, зовет издалека...
Чем дольше мы живем, тем долговечней песня,
вот только наша жизнь, как песня, коротка.
О молодость, всмотрись

в убогий облик старца!

Подскажет эскимос:

«Да, этот человек
на склоне лет сумел взойти на кончик пальца!...»
Всего-то лишь...

А жил, казалось, целый век!
Но истина души, но истина напева,
как ни стирай черты, ни изменяй слова,
исток ее любви, и доброты, и гнева —
в потомках навсегда
останется жива!

И ты душою
хоть на миг
бесстрашной птицей стань,
чтоб навсегда понять язык
пернатых этих стай.
Возможно,
радостно трубя;
они привета ждут.
А может быть,
они тебя
на помощь позовут...

Тогда, услышав птичий крик,
спеши на край земли...
— Корын, корын!
Тетык, тетык! —
курлычат журавли.

Чей это зов,
чей это крик
послышался вдали?
— Корын, корын!
Тетык, тетык! —
курлычат журавли.

Спешит к причалу поскорей,
огромен и тяжел,
скиталец северных морей,
красавец-ледокол.

Большая сопка стала
вдруг
пятнистой, как олень.
Так все преобразил вокруг
один весенний день!

А ты, мой друг,
к зиме привык,
в душе твоей туман...
— Корын, корын!
Тетык, тетык! —
курлычет караван.

Поверь ему.
Из года в год
всем холодам назло
на крыльях людям он несет
удачу и тепло.

ЗЕМЛИ МОЕЙ НАЧАЛО

Rough

С приютом детства моего
пришлось расстаться мне.
Я нынче ночью

вновь его
увидела во сне.
И стало на душе легко,
и снова день-деньской
был берег детства далеко,
но все-таки — со мной!
Со мной

прибрежный гравий,
гримящие валы
у вечной, златоглавой,
обветренной скалы.
Со мною

ваша чистая,
простая красота,
скалистые, дернистые,
высокие места!
Отсюда солнце

всякий раз
по всей стране

идет рассветом.
Я в Наукане родилась,
чтобы идти
за солнцем следом.

НАПУТСТВИЕ

Старик-эскимос

говорил юнцу,
что собрался в далекий путь:
— Жалость охотнику
не к лицу,
ну а жаловаться —

забудь.

Увидишь, что верный друг твой едва
не валится
от усталости с ног,—
знай, что ему нужны
не слова,
и не палку-ключу

ему дай сперва,

а плечо свое,
чтоб идти он смог.

Старик-эскимос

наставлял юнца,
шагнувшего за порог:
— Помни, что в мире

сотни дорог

и нет дорогам конца.

Всякое встретится

на пути —

и человек, и зверь.
Человека — узнай,

со зверем — не шути,
врага не прощай,

друга прости,

клеветнику — не верь.

ТЫ НЕ ОБМАНУЛСЯ

Roy

Черпая богатства у природы —
чистоту озер ее и рек,
добрые плоды ее и всходы,
ты не обманулся,

человек!

Ожидая от любимой ласки,
в странствиях надеясь
на ночлег,
доверяя другу без опаски,
ты не обманулся,

человек!

В нашей светлой, молодой отчизне
все тебе принадлежит навек,
и, мечтая о счастливой жизни,
ты не обманулся,

человек!

Ты сегодня, как всегда, проснулся,
только лучик утренний коснулся
радостно

твоих смеженных век.

Так давай же вместе,

человек,

поступать по чести,

человек,

чтобы в нас

никто не обманулся!

Трижды соврет он,

что жизнь плоха.

что люди злы и глупы.

Это, конечно же,

чепуха.

это труха и пыль.

Всякое встретишь —

и ложь, и нож.—

думай,

дерись,

держись.

Чем больше горя

в пути хлебнешь,

тем основательнее

поймешь,

как хороша жизнь.

А люди сами

решат вопрос,

свой ты или чужой...

Так говорил старик-эскимос,
человек с молодой душой.

П. ГДЕ МОЯ ПЕСНЯ? НА, ҮЛҮПЫК?

ПЕСНЯ ТВОЕЙ ДОРОГЕ

Руф
Песню твоей дороге
пою я тысячу дней
не для того, чтобы стала
легче она и ровней,
не для того, чтобы после
ты был благодарен ей,
и уж, конечно, вовсе
не ради любви твоей!
Песню твоей дороге
я не устану петь,
чтоб все ее испытания
сумел ты преодолеть,
чтоб вера не пошатнулась
под тяжестью стольких бед,
чтоб мужественные с презрением
тебе не смотрели вслед!
Песню твоей дороге,
как птицу,пускаю вдали,
чтоб от любви к Отчизне
меня ты не отделял.
Песня моя, как птица,
догонит тебя, поверя,
чтоб стала и я частицей
побед твоих и потерь.
Чтоб где-нибудь на привале
усталости вопреки
друзья тебе подпевали,
завидовали враги.
Я буду счастлива, если,
к заветной цели спеша,
поймешь ты, что эта песня —
просто твоя душа.

38

Пих'тум, к'илим сапльиун' к'илак!
Анук'н'ух'льиун' кытарағ'ак!
Авауг'лаку, натын к'илак?
Авауг'лаку, натын-глак?
Анук'лъин'г'ан,
ысх'ак'амкын.
Ысх'ак'н'амку к'илак
кывках'к'уя
анук'ым...

АНУК'ЫСЕ

(6) Сими укъёми к'илак
ыпх'итыпихтак'аун'?
Сими укъёми к'илак
к'уюх'к'ыпихтак'аун'?
Сықын'аг'ма ыглых'так'о,
к'илак ысх'аг'ьюхпынан!
Сықын'аг'ма ыглых'так'о,
к'илак кылыш'акыхпынан!
Сими укъёми к'илак
ыпх'итыпихтак'аун'?
Сими укъёми к'илак
к'уюх'к'ыпихтак'аун'?
Таным тын'аг'ун авилугук',
к'улмун ысх'алък'ах'то!
— Таным к'илак к'илетак'ук',
таным ыпх'итак'ук'!
Сими укъёми к'илак
ыпх'итыпихтак'аун'?
Сими укъёми к'илак
к'уюх'к'ыпихтак'аун'?
Каянин'г'ан, аныюнанитак'о,
таным к'илак анлин ыпх'ита!
Ангиг'юн'г'аг'ма, ак'умак'о,
атуг'ак'о, ынлак'о.
Сими укъёми к'илак
ыпх'итыпихтак'аун'?
Сими укъёми к'илак
к'уюх'к'ыпихтак'аун'?
Анук'ысе, кина, к'агна!
Анук'ысе, кина, к'агна!

ЗАКЛИНАНИЕ

(6) Зачем осенним небесам
нужна голубизна?
Она нужна твоим глазам —
воистину нужна!
Быть может, небо до сих пор
у глаз твоих в долгую,
коль в голубой его костер
взглянуть я не могу?
Ведь в том костре
дотла, дотла
твой самолет сгорел.
Но я смогла,
смогла,
смогла!
А ты бы посмотрел?
Зачем осенним небесам
такая синева?
Она нужна твоим глазам,
а мне нужны слова,
чтоб рассказать тебе о том,
как я одна, одна
вхожу в пустой постылый дом
и маюсь дотемна.
Мне плакать хочется — смеюсь,
но горек смех, увы.
Мне в тундру хочется — боюсь
высокой синевы!..
Я ни за что и никогда
ей грусти не прощу.

«Анук'ысе, кина, к'агна!»* —
я порчу напущу
на эту ясную лазурь,
на синий небосвод:
«Очнитесь, ветры зимних бурь!
Спеши, метель, в полет!
Чтоб с этого лихого дня
на много-много лет
исчез в природе для меня,
проклятый синий цвет!
И чтобы много дней подряд,
как в глубине веков,
искать голубоглазый взгляд
в разрывах облаков...»

* *

Откуда столько
горя и тоски?
Зачем беда
берет сердца в тиски
и кто-то плачет,
голову склоня,
в отчаянье
заламывая руки?
Откуда в мире
горькие разлуки?..

— Из-за бесчестно прожитого дня!

Неважно,
кем он был бесчестно прожит,—
он этим слезы на планете множит!
Но если тот,
кто прожил день бесчестно,
попросит, о содеянном скорбя:
— Не уходи, ведь я люблю тебя! —
не торопясь
прощать его беспечно.
В чаду сомнений —
прав или не прав? —
перегорает призрачное счастье.
Но ложь, спасеньем счастья оправдав,
его же превратишь ты
в соучастье.
Былой любви не сохранить огия
ценой бесчестно прожитого дня.

* А нук'ысе, кина, к'агна! (эским.) — заклинание, с помощью которого наукаинские женщины якобы напускают порчу на погоду.

МАТЕРИНСТВО

Rom

Цветок, былинка,
маленько чудо,
беспечный ликом,
кто ты и откуда?

— Я сын земли,
я врос в нее корнями,
я из земли
пришел на встречу
с вами,
и песенка
насмешливая эта
была землей
когда-то мне напета.
Вот как!

Голыш, девчонка,
маленько чудо!
Ответь мне тромко,
кто ты и откуда?

— Я — мамина,
и песенка вот эта
была сегодня
мамой мне напета,
она уже, наверно,
вам знакома.
А юбочка моя
осталась дома —
у мамы!..

Цветы и дети,
дети и цветы
забыть не позволяют о единстве
бессмертия,
любви
и красоты,—
всего,
что воплотилось в материнстве.

Пусть не умеешь, но должна сама
сшить первенцу ты первую одежду,
чтоб над шитьем задуматься впервые
о том, каким он станет человеком.
Ты — женщина, и с молоком твоим
войдет в него не только сила жизни,
но путь, которым он по ней пройдет,
чтоб делом оправдать свое рожденье...
Его глаза глядят лишь на тебя,
в тебе одной вселенная младенца,
и ротик крошечный

теряет и находит
грудь материнскую —

источник животворный.
Еще не научившись улыбаться,
он плачет —

ни минуты не печался,
он плачет —

велики его желанья,
он плачет —

самый крошечный в яранге —
и заполняет целый мир собой!
Пусть не умеешь, но должна сама
сшить первенцу ты первую одежду,
чтоб над шитьем отчетливо представить
его счастливым, добрым человеком.
Ты — женщина,
и все это впервые
и навсегда зависит от тебя.

(7) ПОЦЕЛУЙ НА ПРОЩАНЬЕ

— Поцелуй! —
просил ты на прощанье.
Удивлялся
моему молчанию,
рассердился: что за чудеса?
Я тебя поцеловать
хотела,
да вот только
глаз поднять не смела
и ответила:
— Закрой глаза.
— Почему? —
спросил ты. — Что с тобою?
— Ничего. Закрой.
И я... закрою.
Не привыкла я,
какая жалость,
расставаясь,
плакать или клясться.
Ты не понял:
просто я боялась
навсегда
в глазах твоих остаться.
Просто я дрожала от испуга,
что и ты останешься —
в моих...
Чем же эта долгая разлука
обернулась бы для нас двоих?

7
Ылъыпк усумрумах'пын'a:

— Син'аг'н'a...

Йыккыхтук'

илука:

макных'палахто,

накльыгьюхто...

Сыкын'аг'ма пиун'a:

— Таугенак', сикме!

Аптыах'пын'a:

— Сими?

Гуатпиун'a:

— ...сикмых'лъык'o амта.

Алин'ак'o натын,

Кайн'уюгак'o натын.

Алеюглъук'утын, анлин натын!

Ысч'атых'юг'лъук'укук,

анлин натын!

...Син'ах'лъык'амкын.

...таугенак' — сикме!

(8) НА, ЫЛЪЫК?

...На, атутыка? На?
Сагмах'сику навык?
На? Атутыка, на?
Напийику имна?..

Илука сиг'лыг'ок'ук' —
атуг'ак'o!..
Тукух'пынун...
Иваг'ак'o...

Атун сагманг'итак'a,
ылъыпк сагмаг'амкын!
И-и-и... к'ылыги...
сагмаг'амкын...
Илука сиг'лыг'ок'ук' —
атуг'ак'o!..
Тукух'пынун...
Иваг'ак'o...

На, атутыка? На?
Сагмах'сику навык?
На? Атутыка? На?
Напийику имна?
Илука сиг'лыг'ок'ук' —
атуг'ак'o!..
Тукух'пынун...
Иваг'ак'o...

Атун сагманг'итак'a,
ылъыпк сагмаг'амкын!

И-и-и... Смешно и горько
молча встречать зарю.
День — или год? —
с пригорка.
в море твое смотрю.
Вновь окликаю бездну:
— На? Атутыка, на?*
Я потеряла песню —
в этом твоя вина!
Праздничным дням и будням
разве вела я счет?
Над онемевшим бубном
гордость моя — не в счет?
Льдина моя растаяла.
Песня меня оставила...
Если молчит мой бубен,
значит, в чужих краях
путь твой уныл и труден —
в этом вина моя...
— На? Атутыка, на?
Снова молчит волна.
Песен вокруг немало.
Море во всем виня,
я тебя потеряла?
Ты потерял меня!

R only

А знаешь, как поют метели,
как стонут целые недели
и песней окликают мрак?
Я с ними вместе пела так:
«Грусть по тебе
я оставила пламени
ранней зари в Наукане —
той, что влекла меня,
словно жар-птица в тумане.
И на снегах,
не запятнанных нынче
песцовыми стаями,
и на следах
от умчавшихся нарт
я оставила.
И на вечной луне,
что висела над белыми сопками
кругом оленьего сала,
и на высокой волне,
что разбилась с налету
о черные скалы.
Я оставила грусть по тебе,
чтоб она не взяла меня в плен,
в деревянной избе,
где старуха живет Киуен
и лежат на столе
к'аюкак* и улёк**...

* На? Атутыка, на? (эским.) — Где? Где моя песня?

• К'аюкак (эским.) — деревянное блюдо для мяса.

• Улёк (эским.) — кухонный (женский) нож.

Ты далек,
и торопятся в вечность недели,
и столетьями кажутся дни...»
Ты знаешь, как поют метели?
Ты слышишь, как поют они?

КИЙЫМА ЫТАК'О — К'АЮГ'АКО

«Аленелькутыка — к'аюк'а!
Илумнун сематыка!»

К'аюк' илака,
к'аюк' атутак'ак'а.
Кийыма ытак'о,
к'аюг'ак'о.

Алениуг'ак'о,
к'аюг'ак'о.
Кийыма ытак'о,
атуг'ак'о.

К'аюк' илака,
к'аюк' атутак'ак'а.
Кийыма ытак'о,
к'аюг'ак'о.

Алениуг'ак'о,
илука сег'ак'а.
Кийыма ытак'о,
к'аныг'ак'о:

— К'аюк' илака,
к'аюк' атутак'ак'а.
Кийыма ытак'о,
к'аюг'ак'о.

Аленелькутыка — к'аюк'а!
Илумнун сематыка!

Чай, мой друг, я одна —
песни тебе и почести!
В горестном одиночестве
выпью тебя до дна.

Нынче невесело мне.

Чай до рассвета пью
и в тишине пою:
«Чай, мой друг, я одна —
песни тебе и почести.
В горестном одиночестве
выпью тебя до дна».

Ты безусловно прав,
с истиной не споришь —
мне бы твой жаркий нрав,
крепость твою и горечь.
Чай, мой друг, я одна —
песни тебе и почести!
В горестном одиночестве
выпью тебя до дна.

Знаю, лекарство это
лечит печаль неплохо —
с полночи до рассвета.
До последнего вздоха

— Атанылък'усик!
— Атаныргак!
— Натын хук',
иг'алулуни, ылаг'ниуг'ак'ук'
Атанг'улуни апх'ыйк'ак'ук'!

Тауга.

Гуаниск'н'аку илу нунаних'к'ак'а,
гуаникок'н'аку к'аку
униплаг'аг'нах'к'ак'а,

иг'алун'ак'а,
иг'алык'итан'ак'а,
иг'алум нуна акиух'викак'а...

...Иг'алум аг'нан хук',
к'альтауг'ак', ималык ымыг'мын',
талъих пигмын' тугумек'ак'а.
Альник'ак', ималык айхинын',
укухкусиг'минин' сак'умек'ак'а.

Иг'алум аг'нан хук',
ымисима юк
к'альтауг'аг'ми ымг'анын'.
Унин'асогних к'умаук' юк.
К'аваг'наницимаук' юк.
Лъыган иг'алук'
наук'ах'к'ак'ук',
к'аваг'нанитак'ук'!

Пек'ут ынпыйт:
'Иг'алук', наук'ах'к'ак'ыкан,
иг'алулуку апых'пынан!
Атанг'улуку апых'ак'иснун'!

Иг'алук',
атанг'улуку,
апых'ак'н'атхун',
— к'уяк'ук' хук'
— пытк'а акамлъух'к'ак'ук', хук'!
Иг'алук', наук'ах'к'ылг'е,
гутпек'ат хук':

(10) Сегодня не заснуть никак,
душа хмелеет без вина:
плывет в вечерних облаках
Атанык — круглая луна.
Поэты тундровых племен
ей дали множество имен,
а я хочу открыть вам тайну,
когда

зовут ее Атанык...

Преданье говорит о том,
что, не нарушив тишины,
в ночь полнолуния
в каждый дом
заходит Женщина Луны.
Ведро с водой в одной руке —
текла бессонница в реке.
Поднос с лепешками в другой,
а в них подмешан непокой...

Врагом себе я не была,
целя спокойствие свое,
луна Атанык я звала
всегда лишь именем ее.
Я тех лепешек при луне
не преломляла никогда,
не утоляла жажды мне
в ночь полнолуния вода.
Я помню сказки всех времен,
преданья знаю наизусть.

Куда же уплывает сон?
Откуда же берется грусть?
Трепещет сердце,
как подранок,
блестательная Атанык,
сиятельная Атанык!

* *

Romy

Какое счастье — пробудиться рано,
когда в рассветной городской глухи
одно лишь солнце

смотрит из тумана,
как рыба из седого океана,
и нет на целом свете
ни души!

О тишина, сводящая с ума!
Объяты сном,

как инеем,
по крынни,

стоят кругом высотные дома,
и этот сон, и утро, и зима
их делают

еще стройней и выше.
Лишь каблуки стучат по мостовой,
да эхо звонко окликает тундру,
и кажется,

что это мы с тобой
вдвоем встречаем солнечное утро.
И солнце подымается — для нас,
туман морозный

разорвав на части...
Вы знаете, какое это счастье —
проснуться в тихий предрассветный час!

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ

Навстречу рассветному солнцу,
словно навстречу счастью,
я по июльской тундре
бежала, смеясь от счастья,
вытянув руки вперед,
рассыпав до пояса косы,
сняв торбаса
и задыхаясь от ветра,
летящего мне навстречу.
Чего еще можно ждать
от пятилетней девчонки?

Конечно же, я не знала,
что через двадцать лет
по той же июльской тундре
навстречу той же заре,
так же вытянув руки,
распустив до пояса косы,
но уже торбасов не снимая,
задыхаясь, но от обиды,
я буду бежать

и не замечу,
что ветер не успевает
высушивать мои слезы...

Чего же еще можно ждать
от глупой влюбленной бабы?

* *

Какое счастье, о весна,
что за полночь вдвоем
по тундре бродим мы без сна
под снегом и дождем!
И меховая шапка вмиг
намокла, и не впрок
летит вода из-под моих
резиновых сапог.

Какое счастье, милый май,
что ты на мой привет
ответил звонко:

— Принимай
безоблачный рассвет!
И пусть твердят в начале дня
наперекор весне,
что это май не для меня
и радость — не по мне.
Что будут счастливы друзья
и счастливы враги —
несчастлива одна лишь я,
такие пироги.

Я не поверю никогда,
что эта вешняя вода,
и талый снег,
и хрупкий лед,
что по реке, крошаась,
плывет,

камлека тундры —
вся в цвету,
и теплохода крик в порту,
и даже птичья трескотня —
не для меня,
не для меня!
Какое счастье, о весна,
что за полночь вдвоем
по тундре бродим мы
без сна
под снегом и дождем.
Какое счастье
дал ты мне,
май ненаглядный мой.—
в том, что я счастлива,
вполне
увериться самой!

СОДЕРЖАНИЕ

I. СПОЛОХИ, КИУГ'ЫТ	4
Человек и земля	6
Киуг'ыт	8
1 Северное сияние	10
2 Тыгмег'ит Нувук'ам	12
3 Птицы Наукана	14
3 Сивулик'ы ыскух'ты	16
3 Первый учитель	17
4 Как я оберегала море в белую ночь	17
4 Уникпаг'ак'	19
4 Старая сказка	21
5 Таугалъу?	23
5 Таугалъу?	25
5 «Лопата выпадет из рук...»	27
5 Последняя песня	29
5 «Старинные слова мелодии старинной...»	30
5 Журавли	31
5 Земли моей начало	33
5 Напутствие	34
5 Ты не обманулся	36
II. ГДЕ МОЯ ПЕСНЯ? НА, ыЛЪПЫК?	
Песня твоей дороге	38
6 Ануу'ысе	39
6 Заклинание	41
7 «Откуда столько...»	43
7 Материнство	44
7 Молодой матери	46
7 Син'аг'и'a аугинак'ыкувык	47
7 Поцелуй на прощанье	48
8 На, ылъпик?	49
8 Где моя песня?	50
9 Песня метели	51
9 Кийымы ытак'o — к'аюг'ак'o	53
9 Я одна — я пью чай	54
10 Атанык'	55
10 Атанык'	57
10 «Какое счастье пробудится рано...»	59
10 Песня женщины	60
10 «Какое счастье, о весна...»	61

Зоя Николаевна Ненлюмкина

ПТИЦЫ НАУКАНА. Первая книга стихов
На русском и эскимосском языках

Редактор А. М. Бирюков
Редактор эскимосского текста Тейн Тасян
Художник В. И. Кошелев
Художественный редактор Д. Д. Власенко
Технический редактор В. В. Плоская
Корректор Е. Л. Меламуд

ИБ 00173

Сдано в набор 19.02.79 г.
Подписано к печати 7.05.79 г.
АХ—01798.
Формат 70 × 108/32. Бум. тип. № 1.
Школьная гарн. Высокая печать.
Объем 2,8 усл. п. л., 2,12 уч.-изд. л.
Тираж 3000. Заказ 472.
Цена 20 коп.

Магаданское книжное издательство,
685000, Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Областная типография
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли
Магаданского облисполкома,
Магадан, пл. Горького, 9.

27 ротт, 10 in Eskimo & Russian, 17°
Russian only

17 m. Esk, 41 m. R. + 7 m.